

УДК 159.937.53

А. Н. Сагайдак

ст. преподаватель кафедры клинической психологии
Института инновационного и последипломного образования Одесского
национального университета имени И. И. Мечникова
Французский бул., 24/26, г. Одесса, 65058, Украина, тел. 711-65-33,
s5456@mail. ru

АРХЕТИП САМОСТИ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С РЕЛИГИОЗНЫМ ЧУВСТВОМ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ К. Г. ЮНГА

Статья посвящена исследованию специфической роли архетипа самости в коллективном бессознательном личности.

Ключевые слова: архетип, коллективное бессознательное, культура, ментальность, самость.

Аналитическая психология К. Г. Юнга обращает внимание прежде всего на аффективную сферу. К. Г. Юнг полагал, что аффект является главным организующим принципом психической активности, поскольку интегрирует разнообразные составляющие эмоционально-волевой и мыслительной сферы души, придавая каждой из них единую “чувствительную окраску”. Если какое-либо событие в жизни личности сопровождается сильным аффектом, то все связанные с этим событием составляющие души будут аккумулироваться вокруг этого аффекта, создавая “чувственно окрашенный комплекс”. Эти комплексы, по мнению К. Г. Юнга, являются фундаментальными элементами психики, выполняющими базальные функции. Особое значение этих комплексов состоит в том, что человеческие аффекты по сути своей универсальны, и в наиболее регрессивных проявлениях эти чувственно окрашенные комплексы принимают архаические формы. Т. о., каждый чувственно окрашенный комплекс имеет “личностную оболочку и архетипическое ядро” [1].

Но если “отщепленный” комплекс вновь становится частью сознания, то вместе с ним из бессознательного в эго поступает мощный заряд либидозной энергии. Именно этим феноменом объясняется большинство случаев исцеления неврозов. Если же эго испытывает вторжение комплекса коллективного бессознательного, то этот опыт переживается еще тяжелее. Подобные переживания не имеют никаких аналогов в личном жизненном опыте человека и вследствие этого, а также из-за огромной силы, они носят сверхъестественный, ужасающий, экстатический характер. Даже прикосновение коллективного бессознательного к эго вызывает целую гамму подобных чувств, если же происходит масштабное слияние этих двух уровней психики, то его исходом неизбежно является сумасшествие и одержимость. Вторжение таких чуждых сознанию содержаний является манифестацией многих психических расстройств. Рассуждая в терминах теории личностных конструкторов Дж. Келли, можно сказать, что модель

мира личности, создаваемая на протяжении всей предыдущей жизни, радикально меняется [2]. Аналитическая психология постулирует, что комплексы, относящиеся к личному бессознательному, в норме принадлежат эго и их диссоциация является патологичной; комплексы же, относящиеся к коллективному бессознательному, в норме должны быть отделены от эго посредством символаобразующей функции сознания [3].

Архетипы как структурные проявления наиболее древних уровней психики воплощают базальные эмоциональные переживания в мифопоэтических образах, универсальных для фольклора и мифов всех народов мира. Согласно К. Г. Юнгу, все архетипы имеют двойственную биполярную природу [4]. Один полюс архетипа представляет собой инстинкт и связанные с ним аффекты. Другой полюс представляет собой смыслообразующий духовный компонент, связанный с образами наиболее глубоких актов познания, таких как интуиция, инсайт, катарсис. Эго каждого человека находится между двумя этими полюсами и является соединяющим звеном между аффектом и духом. Если жизненный опыт личности (и в первую очередь травматический) приобретается нормально, то медиативной функцией эго является символаобразование, благодаря которому синкретичная энергия бессознательного способствует духовному росту. Если же процесс совладания с травматическим опытом утрачивает естественный характер, медиативная функция эго нарушается и бинарность архетипической структуры превращается в антагонистичность. При этом один полюс атакует другой, еще более нарушая функционирование эго.

К. Г. Юнг неоднократно описывал (в частности, в своей концепции “негативного анимуса”), как мышление пациентов, у которых бинарная структура архетипа была диссоциирована, атаковало инфантильное “я”, всегда выступавшее неполноценным по отношению к разуму. Вот как описывает Юнг один из таких примеров своей практики: “На первый взгляд, пациент производил на нас впечатление полностью нормального, он был в состоянии держать офис, быть успешным в делах, так что мы ничего не подозревали. Наше общение с ним было вполне адекватным, и в какой-то момент мы позволили себе употребить слово “масон”. Неожиданно веселое выражение его лица на глазах изменилось, и на нас устремился пронзительный взгляд, полный крайнего недоверия и нечеловеческого фанатизма. Он стал похож на затравленного, опасного зверя, окруженного невидимыми врагами: иное эго вынырнуло на поверхность. Что же произошло? Очевидно, в какой-то момент идея преследуемой жертвы взяла верх над эго, стала автономной и сформировала второго субъекта, который временами полностью замещал здоровое эго” [5].

Вместе с тем К. Г. Юнг в большинстве своих работ пишет о фундаментальном упорядочивающем принципе психической жизни, который он назвал *самостью* [6]. По его мнению, именно *самость* интегрирует бинарные полюса всех архетипов, выравнивает баланс противоположностей, приводя в конце концов личность к самореализации и достижению аутентичности. На опыте самопознания и в исследованиях своих пациентов он столкнулся с силой, коренящейся в бессознательном и отличной как от структуры эго,

так и от других структур бессознательного. Одним из наиболее бросающихся в глаза свойств этой силы явилась компенсация односторонности эго. Это выражается прежде всего в том, что выравнивается баланс установок личности и происходит формирование базисных смысложизненных ориентаций, проникающих не только сознание, но и всю личность в целом. Как и все феномены бессознательного, *самость* также являет себя в сновидениях и фантазийных образах, но модальность этих образов иная, нежели у всех остальных архетипических структур. Нуминозность образов *самости* несет в себе прежде всего священную надчеловечность, неразрушимое единство, примирение и невыразимую красоту. Изучая *самость* на протяжении многих лет, Юнг пришел к выводу, что если эго представляет собой центр сознания, то *самость* является центром всей психики в целом (т. е. включая и сознательное, и бессознательное). Вот как он об этом пишет: “С интеллектуальной точки зрения *самость* — не что иное как психологическое понятие, конструкция, которая должна выражать неразличимую нами сущность, саму по себе для нас непостижимую, ибо она превосходит возможности нашего постижения, как явствует уже из ее определения. С таким же успехом ее можно назвать “Богом в нас”. Начала всей нашей душевной жизни, кажется, уму непостижимым образом зарождаются в этой точке, и все высшие и последние цели, кажется, сходятся на ней” [6].

Многие последователи К. Г. Юнга [7] из такой трактовки *самости* делали вывод о существовании принудительных отношений между *самостью* и эго: поскольку *самость* “знает” конечную цель индивидуации, то она неизбежно способствует ориентации личностного развития в нужном направлении. И если со стороны эго оказывается сопротивление, то *самость* “подталкивает” эго к преопределенному замыслу. Такое “подталкивание” (учитывая превосходящую всякие возможности сознания нуминозность *самости*) может быть болезненным, травматичным и даже ужасающим для эго. Но *самость*, подобно голосу оракула, продолжает изрекать свои пророчества и настаивать на их исполнении. Особенно травматичным действие этого голоса оказывается тогда, когда цели индивидуации вступают в конфликт с коллективными ценностями и когда внешняя объективная истина противоречит уникальной личностной истине ее носителя [8].

Другие юнгианцы делали акцент на той мысли К. Г. Юнга, что *самость* является прототипом (архетипом) эго и их взаимоотношения носят диалектический характер “причина — следствие — причина” [9].

Так или иначе, *самость* рассматривается как высшая сила человеческой психики, обеспечивающая трансцендентную целостность психики, примиряющая полюса противоположностей, ведущая человека к высшему Единству. Но здесь перед нами возникает вопрос, однозначного ответа на который мы не находим ни у К. Г. Юнга, ни у его современных последователей: если *самость* — архетип (пусть даже и высший), является ли он бинарным, как все остальные архетипы? А если так, что представляет собой эго аффективно-инстинктивный полюс?

Один из наиболее авторитетных современных последователей К. Г. Юнга Д. Калшед считает, что наблюдавшиеся им у пациентов ужасные обра-

зы убийц, вампиров, докторов-умертвителей продуцированы *самостью*. Не касаясь вопроса бинарности, он говорит об “архаичной *самости*”, выполняющей функции сохранения и поддержания единства психики. Анализируя свою клиническую практику, он сделал вывод, что “классическая” позитивная *самость*, описанная К. Г. Юнгом, имеет место тогда, когда личность обладает хорошо укрепившимся, развитым, но односторонним эго. В этом случае между эго и *самостью* развиваются те самые компенсаторные диалектические отношения, о которых говорил К. Г. Юнг [8].

Но иная картина, полагает Д. Калшед, наблюдается тогда, когда инфантильное эго еще более ослаблено в результате травмы и находится на грани распада. Постоянный спутник внутренней жизни таких личностей — страх повторения травматической ситуации. И вот в этом случае *самость* “переключает” свою активность с приоритетов индивидуации на приоритеты защиты и целостности. И вместо поддержания единства, т. е. интегративной деятельности, *самость* осуществляет диссоциирующее влияние на эго. Эти попытки, по мнению Калшеда, направлены на защиту психики пациента от невыносимого аффекта, который имеет вероятность повториться. Для этого *самость* отделяет аффект от образа [8].

Таким образом, интерпретируя эти выводы Д. Калшеда в рамках юнговской бинарной схемы архетипа, мы можем предположить, что его “архаичная *самость*” и есть аффективно-инстинктивный полюс архетипа, в противовес диалектической и интегрирующей *самости*. Д. Калшед объясняет, что “архаическая” (первичная, примитивная) *самость* несет в себе мощные либидозные импульсы таких модальностей, как любовь и ненависть, творчество и разрушение. В доказательство этому он приводит образы примитивной *самости* в религиозных верованиях Древнего Востока и фундаментальную работу К. Г. Юнга “Ответ Иову” [10]. Эти образы не только биполярны, но и находятся в состоянии трансформации. Д. Калшед приводит рассуждения К. Г. Юнга о том, что “первичная амбивалентная *самость* или образ Бога в доисторической коллективной психике” был трансформирован в филогенезе и этот процесс повторяется в онтогенезе каждой личности. Но если в филогенезе коллективной психики не было и нет катастрофических ситуаций такого масштаба, которые бы могли нарушить трансформацию образа Божества, то в онтогенезе отдельной личности такое вполне возможно и индивидуальное отражение образа Бога — *самость* — остается архаичным.

Литература

1. Юнг К. Г. Работы по психиатрии. Психогенез умственных расстройств. — СПб., 2000. — 304 с.
2. Келли Дж. Теория личности: психология личных конструктов. — СПб.: Речь, 2000. — 249 с.
3. Адлер Г. Лекции по аналитической психологии: Пер. с англ. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1996. — 282 с.
4. Юнг К. Г. Архетип и символ: Пер. с англ., нем. — М., 1991. — 304 с.

5. Юнг К. Г. Практика психотерапии. Серия: Классики зарубежной психологии. — М.; СПб.: АСТ-Университетская книга, 1998. — 416 с.
6. Юнг К. Г. Нераскрытая самость // Юнг К. Г. Избранное. — Минск: Попурри, 1998. — 448 с.
7. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа: Пер. с англ. — М.: ЧеРо, 1997. — 416 с.
8. Калшед Д. Внутренний мир травмы: Архетипические защиты личностного духа. — М.: Академический проект, 2001. — 368 с.
9. Samuels A. The Plural Psyche: Personality, Morality, and the Father. — London: Routledge, 1989. — 125 p.
10. Юнг К. Г. Ответ Иову. — М.: АСТ, Канон+, 1998. — 384 с.

О. М. Сагайдак

Кафедра клінічної психології Інституту інноваційної та післядипломної освіти Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова,
Французький бул., 24/26, м. Одеса, 65058, Україна

АРХЕТИПИ КОЛЕКТИВНОГО НЕСВІДОМОГО В УКРАЇНСЬКІЙ КУЛЬТУРІ

Резюме

У статті були проаналізовані деякі аспекти колективного несвідомого у культурі українського етносу. Зокрема, розглянутий фундаментальний для вітчизняної культурної спадщини архетип “Дух — плоть”, відображена його специфіка і характер впливу на соціальні процеси сучасного українського суспільства.

Ключові слова: амбівалентність, архетип, колективне несвідоме, культура, ментальність, національна свідомість, феномен.

A. N. Sagajdak

Faculty of clinical psychology of Institute innovative and post-diplomes educations of Odessa Mechnikov National University,
24/26, Frantsuzsky Boulevard, 65058, Odessa, Ukraine

ARCHETYPES COLLECTIVE UNCONSCIOUS IN THE UKRAINIAN CULTURE

Summary

In article some aspects collective unconscious cultures of the Ukrainian ethnos have been analysed. In particular, the archetype fundamental to domestic culture “Spirit-flesh” is considered, its specificity and character of influence on social processes of a modern Ukrainian society is reflected.

Key words: ambivalence, an archetype, collective unconscious, culture, mentality, national consciousness, a phenomenon.